

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЭРНСТА ФАБЕРА: КОНФУЦИАНСКОЕ УЧЕНИЕ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ МИССИЯ В КИТАЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

© Д.Е.Мартынов

Анализ исторических взглядов немецкого протестантского миссионера и историка Э.Фабера (1839-1899) в контексте отношения западных миссионеров к конфуцианству – основе китайской цивилизации. Нерешенность ряда вопросов ранней культурной экспансии западной цивилизации в Китае определяет актуальность данной работы. Предлагается новый взгляд на место конфуцианства в общей доктрине христианской проповеди в Китае XIX в.

Евангелический миссионер Э.Фабер (1839-1899) в конце XIX в. был известным востоковедом. Достигнув Китая в 1865 г., он посвятил себя научной работе, проявляя обостренный интерес к прошлому великой страны. В 1881 г. университет Готы в знак признания заслуг присвоил ему докторскую степень [1]. Его перу принадлежало множество книг, посвященных доктринам Конфуция и Мэн-цзы, Мо-цзы, древней истории Китая, а также монографии: "Знаменитые мужчины и женщины Китая", "Св. Апостол Петр как образец миссионера", "Проблемы практической христианизации Китая" [2]. Были у него и большие работы на китайском языке: "Цивилизация Востока и Запада" [3], переводы из Ветхого Завета, Евангелий от Луки и Марка. Последним его трудом на китайском языке должна была стать "Критика китайской классики". К сожалению, безвременная кончина от дизентерии в Циндао в 1899 г. воспрепятствовала окончанию работы, и стала большой потерей для христианской миссии в Китае и современников [4].

Время жизни и деятельности Э.Фабера пришлось на т.н. Евангелическое Возрождение (англ. Evangelic Revival). Э.Хьюз, характеризуя его, указывал, что "для людей этого мировоззрения, будь они англиканами, пресвитерианами, баптистами, конгрегационистами или методистами, существовало лишь одно возможное видение человечества: либо человек обретает личную веру в Иисуса Христа и искупляющую силу Его крестной смерти, освобождаясь этой верой от греха и спасаясь для будущей жизни, либо он есть дитя гнева и разрушения, погруженное в несчастье и грех, – это был век глубокой личной набожности и узколобой нетерпимости" [5].

Главным, что отличало протестантских проповедников XIX века в Китае от их предшественников, была неготовность к мученичеству как цене проповеди. Р.Ковелл полагал, что именно из этого обстоятельства возникло стремление миссионеров заручиться силовой поддержкой запад-

ных держав, которые и должны были насильно "открыть" запертые двери Китая. "Ничто иное не представлялось им значимым, кроме самого проникновения в Китай. Непонимание происходящего, возможно, с самого начала стало роком для миссионерского предприятия... Они не смогли увидеть, что сделает с ними силовое вторжение такого рода, что оно сделает с несомым ими христианским посланием, с огромным нехристианским обществом и немногочисленными неофитами. Вплоть до 1949 г. Евангелие в Китае проповедовалось с позиции силы" [6]. Китайцам было почти невозможно отделить личную веру миссионера от его национальных амбиций, а проповедь любви – от "дипломатии канонерок".

В середине XIX в. европейская наука уже не нуждалась в развенчании просвещенческого мифа о совершенстве китайской цивилизации [7]. Миссионерская критика, тем не менее, была востребованной. Сознательно или бессознательно, миссионеры стремились продемонстрировать моральное и религиозное банкротство китайской культуры. Рост мощи империалистических держав, усиление давления на Цинскую империю, побуждали миссионеров к все большей нетерпимости в оценках. Ускоряющийся распад китайской государственности они рассматривали не как результат деятельности европейских держав, а как свидетельство внутренней слабости Среднего государства. Это и был наглядный аргумент в пользу скорейшего слома конфуцианских ценностей и замены их христианскими. Парадоксом сложившейся ситуации было то, что на Западе культура в это время делалась все более секуляризированной, в то время как миссионеры в Китае продолжали видеть решительно во всем, что их окружало, идолопоклонство, язычество, зло, суеверие.

В этой обстановке началась деятельность Эрнста Фабера (китайское его имя – *Хуа Чжунань*), ступившего на землю Гонконга 26 апреля 1865 г. Главной особенностью доктрины Фабера

было то, что не отвергая проповеднического рвения своих предшественников, он стремился к глубокому познанию китайской культуры *изнутри с точки зрения истории китайского общества*.

Усилиями пастора П.Кранце, коллеги Фабера, Американская пресвитерианская миссия опубликовала в 1902 г. рукопись "Хронологического справочника истории Китая" [8]. Рукопись была только пролегоменами к обширному историческому труду, кратким целостным изложением предмета, составление которого заняло у Э. Фабера много времени. Он нанял себе китайского секретаря для кропотливой работы над источниками, в первую очередь, каноническим сводом "Двадцать четыре династические истории" (*Эр ши сы ши*, 219 тт.), "Историческими записками" (*Ши цзи*), "Всеобщим зеркалом..." (*Цзы чжи тун цзянь ган му*) и другими сочинениями. Однако если бы историческое наследие Э.Фабера ограничивалось только этой работой, мы имели бы совершенно неадекватное представление о методологии и исторических воззрениях миссионера.

В журнале *Zeitschrift Missionskunde und Religionswissenschaft* (1899, №14, с.93), издаваемом его миссией, доктор Фабер так излагал цель своих исторических изысканий: *"всю китайскую литературу следует рассматривать не только как нечто, существующее само по себе, но и как составную часть китайской истории. Литература показывает нам особенности человеческого сознания в его развитии, что проявляется в языке. То же самое относится и к истории цивилизации и к политической истории, ибо они произрастают из естественных склонностей человеческой природы, т.е. социальной организации и отношений между институтами человеческого общества. В любом случае история, – это не просто нечто, случившееся некогда, но и внешнее проявление национального характера. Будучи миссионером, я намерен привести этот национальный характер под влияние св. Духа. Но св. Дух для меня не является абстракцией и догмой, ибо я желаю показать Его в действии, в фактах, излагаемых Библией, историей Церкви и в Его влиянии на цивилизацию Запада. Такова, выраженная в немногих словах, задача, стоящая передо мной. Ее невозможно решить ни одному из китайцев, но она достаточно хороша для миссии"* [9].

В том же выпуске журнала Э.Фабер опубликовал свою последнюю статью *Theorie und Praxis eines protestantischen Missionars in China*, где указывал: *"Нам необходима китайская история, ибо она должна показать китайцам со сторо-*

ны, как они понимали свою собственную историю в течение тысячелетий, и что они должны из нее почерпнуть" [10]. Важность этой задачи казалась Э.Фаберу бесконечной, что следует из его доклада на "Втором конгрессе Ассоциации образования" (1896). Текст его настолько показателен, что мы приведем обширную цитату: *"Китайская классика занимает подобающее ей место в нашей работе преподавания литературы. Литературу, однако, единственно возможно преподавать как часть национальной истории. Ныне уже невозможно смотреть на историю как на череду королей и ведущихся ими войн... Мы видим в истории развитие человеческой жизни во всех ее проявлениях, дурных и добрых. Мы прослеживаем события до их причин, и прослеживаем последствия вплоть до получения результатов, добродетельных или порочных. Литература нации – яркое отражение ее жизни, и она предоставляет нам глубокое понимание сердца целого народа, его чувств и стремлений куда лучше, нежели внешние обстоятельства и действия. Мы должны преподавать историю Китая именно с этой высокой позиции. В руках мастера история станет мощнейшей поддержкой в понимании Китая и китайцев, зла их нынешней национальной жизни; это позволит убедить их, что грех является злом даже в самом своем истоке. Для того необходимо учебное пособие, которое позволит с готовностью запоминать материал, и справочник, содержащий важнейшие уроки истории. Китайцам не следует сообщать слишком много фактов прошлого, но необходимо достаточное их количество, чтобы они осознали себя людьми, живущими в прошлом и настоящем. Такова задача, которую должен решать всякий, кто обучает китайцев. Китайская классика, история и беллетристика должна быть полностью усвоена, а потому должна подаваться в форме, удобной как для учителя, так и для студентов. Ни один из иностранцев не смог добиться результата в этой громадной работе. Тем не менее, она должна быть выполнена"* [11].

В беседах с коллегами Э.Фабер неоднократно высказывал убеждение, что христианство в Китае не сможет найти себе лучшего апологета, чем конфуцианский образ жизни и управления. Ему так и не удалось полностью реализовать эту идею, но, по-видимому, "Хронологический справочник" – не единственный источник, по которому мы можем судить о ней. В 1897 г. Фабер опубликовал небольшую книгу "Китай в свете истории", где краткий экскурс ужасов прошлого Китая завершался следующей сентенцией: *"Волосы поднимаются дыбом, когда осоз-*

наешь, что этих людей, большая часть которых были ничтожествами, а некоторые – преступниками, но равно ведущих более или менее безнравственный образ жизни, надобно было титуловать "Сынами Неба", представителями богов на земле или даже Буддами нынешнего времени! Что же они должны были вообразить о себе, если требовали изъявления подданства от всех правителей мира, и даже незримого мира, имели власть присуждать мертвым титулы и звания, и выносить приговоры усопшим! История китайских императоров – самое поразительное **опровержение конфуцианства**, какое только можно себе вообразить" [12].

"Факты китайской истории лучше всего характеризуют национальный дух. Своей историей китайцы охарактеризовали сами себя так, что никто не сможет очернить их лучше.

Тем не менее, во-первых, мы не желаем этим заявить, что в китайской истории можно обнаружить одну только тьму; с удовольствием признаем, что темные углы озаряются яркими вспышками света. Китай равно произвел замечательные примеры героизма, но и заблуждений. Вот только эти яркие проблески подобны нескольким звездам надежды на небосводе глубокой ночью; в целом мрачные ощущения от китайского прошлого перевешивают. <...> Во-вторых, мы не делаем конфуцианство ответственным за все преступления, которыми полно прошлое Китая, но признаем, что принципы, освященные классиками, приводили к печальным последствиям" [13]. Эти "печальные последствия" были перечислены нашим героем особо в кратком сочинении [14].

Корни зла миссионер находил в двух важнейших фактах: институте наложниц и ничем не ограниченном деспотизме, приводящем к восстаниям.

1. Наложницы были "проклятием китайской истории", породившим множество интриг, преступлений и войн. Конфуцианцы никогда не осуждали этот институт, и никогда не протестовали против содержания гаремов. Таким образом, конфуцианство ответственно за это социальное зло. "Вместо того чтобы расхваливать конфуцианскую мораль, основанную на Пяти видах человеческих взаимоотношений, конфуцианцы, вместе с их иностранными подпевалами, **должны сокрыть свои лица от позора**" [15].

2. О деспотизме и восстаниях Э. Фабер писал: "Конфуций, кажется, и сам одобряет непочтительность в надежде продвинуть мудреца поближе к трону. Еще более откровенен Мэн-цзы. Он оправдывает смещение и убийство

дурного правителя. Неудивительно, что крупных восстаний за 2000 лет писаной истории Китая мы можем насчитать **не менее пятидесяти**, а местные восстания вообще бесчисленны, ибо происходили **ежегодно**. Невозможно сосчитать, сколько **сот миллионов** человеческих жизней были принесены в жертву... **Конфуцианство повинно в этом**. Ни сам Конфуций, и ни один из его последователей никогда не породили мысли об установлении конституционной преграды деспотизму, и не составили Великой Хартии вольностей для безопасности жизни и собственности чиновников и земледельцев Китая. Рука палача оборвала множество жизней лучших сыновей Китая. И не может быть иначе, пока капризная прихоть заносчивого правителя – высший закон. Средство найдено было на Западе – в христианских странах, **отделивших правителя от законодательной власти**. Закон отныне **не просто желание одного человека, но желание множества**. Его формулирует собрание избранных всего народа. Люди должны иметь законный способ довести до власти сведения о своих невзгодах и получить помощь – мирным путем. Конфуцианцы, однако, смотрели на народ как на маленьких детей, которые должны быть сыты и защищены, и исполнять свои обязанности. Они имеют право только по-виноватиться, и – поднимать мятеж, когда обязанности делаются невыносимы" [16].

"История Китая пламенеет кровью. Кровь миллионов, павших на этой земле, вопиет к Небесам" [17]. Первый профессор китаеведения Оксфордского университета, миссионер Дж.Легг писал в предисловии к своему переводу "Канона истории": "Вероятно нет более такой страны в мире, которая была бы столь пьяна от количества крови, пролитой в сражениях, осадах и резнях, как эта" [18].

Фабер цитирует Евангелие: "...вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют вами" (Мф. XX, 25). И добавляет: "Нигде, кроме истории Китая, нет этому более очевидного подтверждения" [19].

В конфуцианстве Э.Фабер находил и другие источники зла, помимо уже охарактеризованных.

3. Санкционирование политеизма в классике, результатом чего являются суеверия и идолопоклонство. Эти последние порождают огромные материальные расходы и лицемерие;

4. Культ предков. По Фаберу он основан на "суеверных опасениях" и "эгоистических соображениях". Для христианина основания конфуцианского культа действительно кощунственны, ибо возлагают на греховную сущность человека

атрибуты Бога, а именно – власть ниспосылать благодать или бедствия, а также отвечать на мольбы просителей. Поэтому предкам поклоняются вне зависимости от их человеческих качеств при жизни, что отучает китайцев (и китайцев-христиан) от абсолютной ответственности перед Богом. Вдобавок культ предков отвлекает колоссальное количество земли в стране, с ее хроническим малоземельем, не говоря о трудовых потерях в период трехлетнего траура, а также вовлечения в долги целых поколений.

5. Гадание по "И цзину" стеблями тысячелестника и на панцирях черепах, а также лунный календарь, с его "благоприятными" и "неблагоприятными" днями, *фэн-шуй* и астрология. Конфуций сохранил и санкционировал канонами эти первобытные верования [20].

6. Санкционирование кровной мести, которая считается эффективнее юридического бездушия. *"Дурные эффекты этого проявляются по сей день... Там, где власть слаба, особенно в настоящее время, отдельные личности и кланы берут закон в собственные руки, и целые уезды пребывают в состоянии непрерывной вражды"* [21].

7. Принцип "сыновней почитательности" (*сяо-ти*), т.е. требование абсолютного подчинения отцам и старшим братьям в течение всей жизни. По Фаберу это – важнейший фактор "порчи человеческого капитала", то есть препятствие прогрессу. Кумовство и nepотизм – также плоды этого принципа [22].

8. Коррупция, развившаяся из обычая поднесения даров вышестоящим. По этой причине Э.Фабер оправдывал колонизаторов, введших в селтльментах экстерриториальность. Согласно мнению нашего миссионера, экстерриториальность иностранцев не может быть отменена в Китае, пока не преобразованы законы...

9. Культ искренности Конфуция. *"Признавая важность искренности, он на практике совершенно утерял этот идеал"* [23]. Очевидно, что принцип Конфуция расходился с христианским "страхом Божьим", т.е. почитанием к Богу, всезнающему и вездесущему, которое делает людей абсолютного правдивыми и искренними [24].

10. Культ самосовершенствования, совершенно противный христианскому духу по Э.Фаберу. *"Ошибочное мнение Конфуция, что совершенствования знания и воздействия хорошего примера достаточно, чтобы создать добрую личность, обмануло китайцев... и породило гордость и самодовольство конфуцианских ученых"* [25].

11. Отсутствие понятия об ответственности человека перед Богом, и желания общности с

Богом. Это означает, по Фаберу, что конфуцианство приводит к атеизму и материализму, а национальный характер китайцев приводит к слабости и эгоизму. Поэтому личная честь (желание не "потерять лицо") важнее обращенности к Богу. *"Возьмите короткую фразу: "Бог есть любовь". Вы будете напрасно обыскивать конфуцианский канон в поисках чего-то близкого к ней"* [26]. Главным грехом Конфуция для Фабера была идея "отстранения от трансцендентного" (*юань*), т.е. пренебрежение древним культом Шан-ди, место которого в социуме занял император.

12. Приниженное положение женщины в конфуцианстве. *"Этого одного уже достаточно, чтобы доказать неполноценность учения Конфуция в сравнении с христианством, потому что положение, почтение и образование, которые получают женщины (будущие матери народа!), – обычная мера цивилизованности любой страны. Истинное христианство – самая большая сила прогресса человеческого рода. Почему же в нынешнем Китае множество умных людей, больших ученых и генерал-губернаторов [27], рекомендуя новые методы управления, упорствуют в поддержке конфуцианства и презрении Христа? Конфуций действительно был великим Учителем, благодаря тому Свету, который был ему дан в свое время, и мы иногда склонны думать, что в ограниченном пространстве Китая он действительно исполнил Божественную миссию, в некотором смысле он исполнял определенные намерения Божественного провидения; он дал людям понять, что "дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их" (Рим. II, 15), т.е. некоторые благородные моральные идеи, которые в течение столетий были сведены на нет... "Золотое правило" и Пять постоянств, таким образом, позволяют нам сравнить его с Сократом, или даже с Моисеем, и назвать его предшественником Христа; но все же Конфуций не был Спасителем человечества. Назначенный Богом Спаситель целого рода человеческого – Иисус Христос... и чем скорее китайцы обернутся к Нему, тем лучше это будет для нации. <...> Он – основатель самого высокого типа этики, и поэтому самого высокого типа цивилизации. Христианство – корень, цивилизация – плод. Вы не сможете пересадить дерево без корней. Вы не сможете напиться реку без источника"* [28].

Фаберу нужно было отбиваться и от атак критиков, например, устранить противоречие между тем, что заповедал Христос, и реками крови, пролитых ради Него в Европе и Америке.

Однако Фабер указывал, что противоречие это мнимо, ибо преступления, совершенные, в том числе и западной церковью, совершались для пресечения оппозиции и неповиновения Слову Христову, как его понимали в то время, а "дефекты" китайской цивилизации, перечисленные выше, сами по себе проистекали из учения Конфуция [29].

Итак, важнейшее педагогическое произведение Э.Фабера – "Хронологический справочник", получился китайским сочинением, не европейским. Фаберу не было дано явно описать уроки китайской истории, как они ему представлялись; отдельные факты зарегистрированы в предельно кратком стиле, напоминающем конфуцианскую летопись "Чунь цю", причем очень часто грамматическая конструкция английского языка следует китайскому лаконичному оригиналу. Поэтому рукопись Фабера требует квалифицированного читателя, который сможет читать между строк, извлекая выводы для себя самостоятельно. Во времена Э.Фабера единственной аутентичной книгой Конфуция признавалась летопись "Чунь цю". Конфуций хотел ею показать "подлость и позор правящих классов того времени, но он не говорил об этом; он заставил вопиять факты истории, и в них не было ни следа ученой отрешенности" [30]. Китайцы очень рано поняли, что история – это зеркало. "Чунь цю" не содержала никаких моральных оценок, и охватывала промежуток времени в 240 лет, но возымела эффект невероятный. Видимо, Фабер надеялся, что история 4000 лет, лапидарно изложенная для китайских студентов немцем на книжном английском языке, даст огромной стране массу материалов для осмысления.

Эрнст Фабер критиковал конфуцианство как своего рода "миазм" великого зла, но он был хорошим историком. Он признавал, что конфуцианские ученые смогли создать цивилизацию, вполне достойную их уровня, так что она стояла выше индийской и африканской. Но Конфуций для него – пророк своего времени и эпохи, и он не отвечает требованиям современности.

Э.Фабер, как и любой европеец, проживший в Китае много десятилетий, стал постепенно отождествлять свои интересы с интересами этой страны. Его воспитание и культура не исчезли под напором обаяния китайской культуры, но он, по-видимому, искренне желал, чтобы Китай вошел в клуб цивилизованных наций, оставаясь при этом самим собой.

*****

1. Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Band 1. Berlin, 1990. Col. 1581.

2. Библиографию работ Э.Фабера см.: Chronological Handbook of the History of China. Shanghai, 1902. P.XIII-XIV; Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Band 1. Col. 1582.

3. Zivilisation Östlich und Westlich wird mit einem Deutschen. Hong Kong: Xiao shu hui zhen bao tang, 1884. На китайском яз.: *Ци си цю дун*. Шанхай: Шанхай судянь чубаньшэ, 2002. (Совр. изд.)

4. Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Band 1. Col. 1582.

5. Цит. по.: *А.В.Ломанов*. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. С. 250.

6. Там же, С.250.

7. Подробнее см.: *О.Л.Фишман*. Китай в Европе: миф и реальность (XIII – XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С.234-394.

8. [Ernst Faber]. Chronological Handbook of the History of China. A Manuscript Left by the Late Rev. Ernst Faber, Dr. Th. Ed. by Pastor P.Kranz. Shanghai, 1902. XVI, 250, XIV p.

9. Цит.: Chronological Handbook of the History of China. P.I-II. *Здесь и далее в цитатах курсив автора*.

10. Там же, P.II.

11. Там же, P.IV. Оригинал: What shall we do with the Chinese Classics and the Weng-chang in our educational work? // Records of Second Educational Association Meeting. Shanghai, 1896. P.75.

12. Ernst Faber. China in the Light of History. Shanghai, 1897. P.11.

13. Там же, P.45.

14. Ernst Faber. Seventeen paragraphs on Ancestral Worship // Records of Shanghai Missionary Conference. 1890. P.654.

15. Ernst Faber. A Systematical Digest of the Doctrines of Confucius. Transl. from the German by P.G. von Moellendorff. Hong-Kong: The China Mail Publ., 1875. P.100.

16. Там же, P.125.

17. Ibidem.

18. Chinese Classics, with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes by James Legge: In Five Volumes. Hong-Kong: Univ. Press. Vol.4, 1960. P.141.

19. Chronological Handbook of the History of China. P.V.

20. Ernst Faber. A Systematical Digest of the Doctrines of Confucius. P.95.

21. Дж.Легг. Предисловие к "Аналектам" Конфуция // Chinese Classics. Vol.1. P.111.

22. Ernst Faber. A Systematical Digest... P.126.

23. Дж.Легг. Предисловие к "Чунь цю" // Chinese Classics. Vol.5. P.40.

24. Ernst Faber. A Systematical Digest... P.97. Ср.: Chinese Classics. Vol.1. P.100 and 327.

25. Дж.Легг. Предисловие к "Да сюэ" // The Sacred Books of China. The Texts of Confucianism: In Four Parts. Trans. by J.Legge. Delhi: Motilal banarsidass, 1966. Part 4. P.32.

26. Ernst Faber. A Systematical Digest... P.128.

27. Намек на Чжан Чжи-дуна (1837-1909) – генерал-губернатора Хунани-Хубэя, выпустившего книгу

"Учиться!" (*Сюэ эр*, фраза, с которой начинается "Лунь Юй"), где писал, что государственная поддержка конфуцианства увеличит военную мощь Китая. Фабер оппонировал ему, заявляя, что сила нации сохраняет религию, но именно религия поддерживает мораль, т.е. силу, направленную вовне.

28. Chronological Handbook of the History of China. P.VIII-IX.

29. П.Кранце в предисловии к рукописи Фабера, на наш взгляд, очень хорошо написал: "*Если мы вос-*

хваляем христианство перед конфуцианством, то восхваляем не нас, европейцев, а единственно Христа. Мы сами – только ничтожные грешники, но Христос наш Спаситель. И Он имеет власть спасти и китайцев, ибо "желтая угроза" не делась никуда, и события 1900 г. [Ихэтуаньское восстание – Д.М.] это подтверждают" // Chronological Handbook of the History of China. P.X.

30. Там же, P.X.

HISTORICAL VIEWS OF EARNEST FABER: CONFUCIAN STUDY AND EVANGELICAL MISSION IN CHINA IN THE 2^D HALF OF 19 CENTURY

D.E.Martynov

The paper is devoted to the analysis of historical views of the German Protestant missionary and historian E.Faber (1839-1899) in the context of Western missionaries' relations to Confucianism – the basis of Chinese civilization. The urgency of the given work is determined by some unsolved questions of early cultural expansion of Western civilization in China. The paper offers a new point of view concerning the place of Confucianism in the general doctrine of the Christian sermon in the XIX century China.